

Неделя, - 1990, - 9-15 июля (№28) - С. 7.

МЕМОАРЫ

Автор этих воспоминаний об Александре Галиче — известном нейрохирурге Эдуарде КАНДЕЛЬ, чья жизнь тесно переплетена с судьбами многих деятелей литературы и искусства. Владимир Высоцкий посвятил ему шуточную песню, в которой есть такие строки: «Он был хирургом да еще нейро, специалистом по мозгам, на съезде в Рио-де-Жанейро пред ним все были мелюзга...»

ТАК НАЧИНАЛОСЬ...

Более четверти века прочная дружба связывала меня с Александром Аркадьевичем Галичем. Полагаю, что это дает мне право называть его в этих заметках Сашей, как это было все долгие годы. Мы познакомились случайно, в 1949 или 1950 году (точно уже не помню), в доме поэта Георгия Рублева, ныне почти забытого, хотя его песня «Севастопольский вальс» и сегодня звучит иногда по радио. В связи с многолетней болезнью он почти всегда лежал в постели, но его квартира в Телеграфном переулке была тем, что называют «открытым домом». И Жора, и его веселая, говорливая, гостеприимная жена Тоня, и вся легкая, свободная атмосфера этого дома притягивали творческих людей, молодых писателей, поэтов, композиторов.

В эту квартиру без звонков и приглашений приходили по вечерам люди и без долгих прощаний уходили. Они говорили обо всем на свете, читали стихи, спорили о литературе. Галич, как и все, приходил в этот дом неожиданно, обычно один. К этому времени он уже был известным драматургом. Его комедия «Вас вызывает Таймыр» шла в десятках театров страны.

Саша выглядел вполне благополучным и довольным судьбой человеком. Он хорошо, даже изысканно одевался, что в те годы было необычным, благо денег у него достаточно — десятки гонорарных ручейков от «Таймыра» сливались в немалые суммы.

То, что Саша выглядел баринком, меня вначале несколько раздражало, и дружба установилась не сразу. Я в те годы еще донашивал френтовую офицерскую гимнастерку и точно помню, что рубашки и галстука у меня не было.

Взаимная симпатия, а затем и дружба появились позже. Этому в немалой степени способствовало то, что мы с Сашей нередко возвращались от Рублевых вдвоем. В те времена машин еще ни у кого не было, и мы шли пешком, обычно поздно, в два-три часа ночи.

Мы шли по пустынному Бульварному кольцу и говорили, говорили обо всем на свете...

ОКТАБРЬ 67-го

Это было в октябре 1967 года — примерно за две-три недели до очень торжественного празднования 50-летия Октября. Саша позвонил мне рано утром, что было весьма необычно, и сказал, что хочет срочно со мной поговорить. Через час мы с ним встретились. Было видно, что Саша чем-то очень взволнован. Во время прогулки по Красноармейской улице он рассказал мне, что вчера вечером у него был некий человек, которого к нему послал из Ленинграда Георгий Александрович Товстоногов. Он просил передать Саше, что накануне праздника его посадят. Сегодня это показалось бы чем-то диким и невероятным, но, как я прекрасно помню, у Саши, да и у меня, не возникло сомнений в реальности этой угрозы. Было также ясно, что такой человек, как Товстоногов, как говорится, зря не скажет. «Выход один, — сказал Саша, — положи меня к себе в клинику». Это, как мы оба прекрасно понимали, никакой не выход. И тем не менее арестовать больного человека в клинике... Ведь все же не 37-й...

Для меня это было тоже не простой проблемой. В клинику мы принимаем больных только для операций на головном и спинном мозге. И все же «официальная» причина для госпитализации Галича была. Он страдал приступами особой формы мигрени, связанной с одной из артерий под кожей головы. Короче говоря, Саша провел в клинике полтора месяца. Прошли праздники, и мы облегченно вздохнули. Я делал ему блокады каждые несколько дней. Подлечили его больное сердце. Это было хорошее время — мы виделись и разговаривали каждый день. Когда Саша выписывался, он вручил мне стихи, в которых были такие строчки: «Доктор Кандель и другие! Нет добра без худа... Ваша нейрохирургия — это ж просто чудо! Был я счастлив здесь, не смеетесь, тих и счастлив разом!..»

ПЕСНИ

Многие из Сашиних песен рождались на моих глазах. Сейчас спорят, какая из них была первой. Мне Саша рассказывал,

что самую первую он написал в Болшеве, в доме творчества работников кино. «...А за городом заборы, за заборами вожди...» В свой машинописный сборник «Книга песен» Саша ее не включил. Однако в книге «Поколение обреченных», которая вышла за рубежом после его отъезда, эта песня есть.

По-видимому, второй песней была шуточная, но весьма невеселая песня «У лошади была грудная жаба...», написанная вместе со Шпаликовым. Эту песню Галич включил в сборник.

«БЛАЖЕННИ ИЗГНАНИ ПРАВДЫ РАДИ»

Александр Галич в редакции «Недели». 1969 год. Фото В. Ахломова.

В течение многих лет я наблюдал, как эти песни-стихи из забавы в дружеском кругу постепенно стали чем-то очень важным, а потом и самым главным в Сашиней жизни. И основной причиной, как я думаю, было постепенное формирование у него критического отношения к окружающей действительности, к фальши, бессмысленности и аморальности многих ее проявлений.

Саша был очень музыкален. Он прекрасно, практически профессионально играл на пианино — это, по видимому, с детства. Играть на гитаре он научился позже, примерно в то время, когда начал писать песни. Помню, как он был доволен, когда ему удалось по случаю купить хорошую, старинную гитару с инкрустацией, какого-то знаменитого русского мастера прошлого века.

Кроме многих прочих достоинств, в песнях-стихах Галича есть несомненный признак поэтического таланта — яркие, неожиданные, удивительные рифмы: «первыми — перлами», «ветер — ефрей-

тор», «фортелей — Лефортове», «дурали — параллели»...

Однажды утром в Малеевке... Здесь сделаю маленькое отступление. Несколько лет подряд в августе я проводил свой отпуск именно в Малеевке. И не забыть мне красоту, столь недалекую от Москвы, русской природы, грибные леса, малеевские пруды, старый барский дом с колоннами...

Однажды утром в Малеевке я увидел Сашу, который сидел на скамейке с довольной улыбкой на лице. Он спросил: «Как ты полагаешь, можно придумать рифму к «Анти-Дюрингу»?» Подумав, я заявил, что это невозможно. «А я придумал, — сказал Саша, — «...запятая по пятам, а не дуриком, изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом». На следующий день вечером он спел нам одну из своих лучших сатирических песен — «Балладу о прибавочной стоимости». Я был горд и счастлив, когда Саша посвятил мне эту песню.

Во второй машинописный сборник Саша включил «Балладу о сознательности», но без посвящения. Думаю, этим он хотел оградить меня от неприятностей, вполне возможных в то время. Помню, как некоторые мои друзья и знакомые при встречах или по телефону с искренним страхом за меня говорили: «Ты знаешь, какую песню посвятил тебе Галич? Ты понимаешь, какие неприятности у тебя могут быть?» (Явных неприятностей не было, хотя я не исключаю: то, что меня десять лет не выпускали за границу ни на один научный конгресс, могло быть с этим связано). Сейчас во всех вышедших у нас сборниках Сашиних стихов-песен это посвящение есть.

Нужно сказать, что Сашины песни власти терпели довольно долго — лет шесть-семь. Известно даже было, что в начальных домах его песни слушали, больше того — восхищались ими. В конце 1971 года все это внезапно кончилось. Что послужило толчком для неожиданного начала репрессий против Саши, до сих пор точно неизвестно. Весьма правдоподобная версия, распространенная в кругу Сашиних друзей, заключалась в том, что один из деятелей самого высокого ранга услышал запись его песен на свадьбе своей дочери. На следующее утро он (как в известном анекдоте) «не поленился» позвонить в Союз писателей и кинематографистов и дать «ценные указания». Сразу же Сашу исключили из обоих Союзов, расторгли с ним все литературные договоры. Через короткое время Галичам стало просто не на что жить...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ, ДЕНЬ КОНЧИНЫ

Саша родился 19 октября. Много лет подряд в этот день я бывал у него дома. Обычно гостей было относительно немного, и, как правило, одни и те же близкие люди. Было шумно, интересно и весело. И Саша пел свои песни. Он всегда вспоминал, что этот день — особый. День открытия царскосельского лицея. В своей книге «Генеральная репетиция» Галич пишет, что он всю жизнь чрезвычайно гордился этим совпадением. Как известно, Пушкин посвятил дню лицейской годовщины несколько своих стихотворений. И в этот день Саша читал одно из них. Он знал и любил Пушкина, как мало кто из профессиональных литераторов. Хотя он и не говорил мне этого, я думаю, что еще в ранней молодости он выбрал себе актерский псевдоним по имени лицейского профессора словесности А. И. Галича, которого любил и уважал Пушкин («Мой добрый Галич» — в «Пирующих студентах»). Были и другие причины особого отношения к Пушкину. Сашин дядя, старший брат его отца, был пушкинистом, профессором Московского университета. Сашино детство прошло в старинном доме в Кривоколенном переулке; его семья жила в квартире, составлявшей часть большого зала в этом доме, который за столетие до того принадлежал поэту Веневитинову. В этом доме и именно в этом зале (о чем свидетельствует мемориальная доска на фасаде дома) Пушкин в 1826 году прочел друзьям «Бориса Годунова».

...Прошлой осенью я стоял у могилы Саши и Ангелины Галич на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Всего в 25 километрах — Париж, а здесь — тишина, совсем подмосковный лес в красных и золотых красках осени, вокруг русские надписи на памятниках, прекрасные русские фамилии, а у входа — маленькая православная церковь с совсем игрушечной колоколенкой рядом с храмом...

Над могилой Галичей — черная гранитная плита и большой черный крест. На плите надпись: «А. А. ГАЛИЧ. 19/Х—19 г. — 15 XII—77 г.» И изречение из Нового Завета: «Блаженны изгнаны правды ради». Ниже надпись: «А. Н. Галич». Она появилась почти через девять лет после смерти Саши...